

ГЛАВА 1

———— I ————

— Дорогая моя Пибоди, — начал Эмерсон, — что-то я не пойму, куда подевался твой интерес к жизни. Раньше он бил фонтаном, даже подойти бывало страшновато. Небо нашего супружества обычно безоблачно, а все почему? Потому что мы с тобой живем душа в душу. Немедленно доверься своему избраннику, надежде и опоре! Нет для него большего счастья, чем лицезреть твое!

Конечно, Эмерсон заготовил эту речь заранее. Я бы заподозрила его в желании поднять меня на смех, если бы не знала, что за высокопарным стилем скрывается искреннее чувство. Мы с моим ненаглядным Эмерсоном действительно жили душа в душу с нашей первой встречи в Каирском музее.

Вообще-то, с ядовитым ехидством будущего супруга я познакомилась в первые же секунды той памятной встречи. В страну фараонов я прибыла праздной туристкой, да к тому же, стыдно признаться, старой девой. И, едва ступив на легендарную землю, заразилась египтологией. Постепенно слабая хворь переросла в настоящую горячку.

Но тогда, в музее, энергично отбиваясь от безжалостной критики, которую на меня обрушил бородатый тип с пронзительно-синими глазами, я и помыслить не могла, что скоро мы повстречаемся вновь. Знакомство продолжилось в более романтической обстановке — в одной из заброшенных гробниц знаменитой Эль-Амарны.

Должна признаться, что романтической тогда была только обстановка, но никак не сам Эмерсон. Однако инстинкт мне подсказывал, что его ядовитые речи и презрительные гримасы — признаки пробуждающегося интереса. События доказали, что я не ошиблась.

Но вернемся на корабль, пересекающий лазурное Средиземное море. Мы стояли на палубе, ветер теребил волосы и одежду, а впереди уже виднелось египетское побережье, на которое нам предстояло высадиться еще до истечения дня. Одного этого, казалось бы, достаточно для восторга, но меня терзали смутные предчувствия.

Нас ждал новый сезон археологических изысканий, захватывающий и непредсказуемый. Мне не терпелось снова пробежаться по душным коридорам древних пирамид, где порхают летучие мыши, а под ногами хрустят засохшие плоды их жизнедеятельности. Я сгорала от желания заглянуть в погребальные камеры с их осклизлыми стенами...

В иное время я бы радостно предвкушала духоту, сырость и прочие изысканные наслаждения для истинного искателя древних сокровищ. Много ли женщин — особенно в конце девятнадцатого века — имеют столько поводов для блаженства, как я? И что значат по сравнению с этим какие-то глупые страхи?

Эмерсон — он предпочитает, чтобы к нему обращались по фамилии, так как свое имя Рэдклифф почему-то считает женственным и жеманным, — избрал меня своей партнершей не только в супружестве, но и в профессии, которой мы оба гордимся. Эмерсон — самый умелый добытчик египетских древностей, какие только видел мир. Не сомневаюсь, что его будут чтить как родоначальника научных раскопок, покуда на нашей неспокойной планете пребудет цивилизация. И рядом с его именем по праву станет красоваться еще одно — Амелия Пибоди Эмерсон. То есть мое.

Да простит читатель мой энтузиазм! Перечисляя достоинства Эмерсона, я всегда впадаю в раж. Начинаю я обыкновенно с его ума — недаром мой супруг так и норовит при каждом удобном случае подчеркнуть, что неглуп. Но не стыжусь признаться, что не последнюю роль в моем решении стать его спутницей жизни сыграла наружность Эмерсона. Все в нем — от темных волос и высокого лба до ямочки на подбородке (сам он предпочитает именовать ее «впадиной», почитая

слово «ямочка» немужественным) — является образчиком мужской силы и красоты (не знаю уж, насколько мужественно звучит для его уха последнее слово).

Мою внешность Эмерсон тоже оценивает высоко. Откровенно говоря, я никак не пойму, чем это вызвано. По-моему, женская красота — это нечто другое. Черты лица у меня слишком острые, взгляд слишком жгучий, вместо локонов цвета солнечных лучей — воронье гнездо цвета печной сажи, а фигура слегка тоща в одних местах и слишком обильна в других. На мое счастье, Эмерсон не разделяет моих взглядов на женскую красоту и находит меня особой весьма привлекательной.

Его большая загорелая рука легла на перила рядом с моей. Рукой джентльмена ее назвать вряд ли возможно, но на мой вкус мозоли и шрамы стоят целой пригоршни драгоценных перстней. Я помню, как ловко эти руки орудуют всевозможными инструментами, необходимыми в нашей общей благородной профессии, прежде всего ломом. Еще острее другие воспоминания — о нежных прикосновениях его рук, приводящих меня в трепет... Даже вспоминать об этом не могу без дрожи. Как бы не насажать на страницу клякс.

Превосходных качеств у Эмерсона пруд пруди, нет только одного — терпения. Погрузившись

в грезы, я не расслышала его вопрос. Недолго думая, он ухватил меня за плечи, повернул и заглянул в лицо. В меня впились горящие, как два сапфира, синие глаза. Белые зубы щелкнули над самым ухом:

— Что за чертовщина, Амелия?! Что за игра в молчанку? Никогда не пойму женщин, будь я трижды проклят! Твой долг — пасть на колени и возблагодарить небеса — и меня, между прочим, — за свалившееся на тебя счастье. Знала бы ты, как нелегко было уговорить зануду де Моргана уступить нам участок для раскопок! Потребовался безграничный такт, которым владею только я. Никто другой не добился бы успеха. И чем же ты мне платишь? Молчанием!

Любому, кто хоть немного знаком с ситуацией, было бы ясно, что Эмерсон снова предался своему излюбленному занятию — самообману. Мсье де Морган, глава египетского Ведомства древностей, действительно уступил нам территорию, на которой сам проводил раскопки годом раньше, хотя участок уже стал местом многих замечательных открытий. Однако «безграничный такт» Эмерсона, существующий исключительно в его воображении, здесь совершенно ни при чем. Не знаю точно, что заставило мсье де Моргана принять такое решение. Вернее, кое-какие подозрения у меня имелись, но я предпочитала о них не вспоминать.

Чтобы не углубляться в эту тему, я так объяснила свое сумрачное настроение:

— Меня огорчает Рамсес. Я надеялась, что хотя бы одно путешествие пройдет для разнообразия без неприятностей, но наш сын снова взялся за старое. Интересно, много ли найдется восьмилетних мальчишек, которых капитаны британских торговых судов грозят проучить, привязав к канату и бросив за борт?

— Это всего лишь цветистый оборот, преувеличение, на которые моряки так горазды! — отмахнулся Эмерсон. — Капитан никогда бы не осмелился на такое. Конечно, наш дорогой Рамсес озорник, он все время придумывает разные шутки, пора бы тебе, Пибоди, привыкнуть.

— Шутки?! На счету Рамсеса действительно хватает безобразий, но, насколько я знаю, он впервые вздумал подстрекать команду к мятежу!

— Глупости! Подумаешь, несколько невежественных матросов слишком серьезно отнеслись к его лекции о теориях господина Маркса...

— Нечего было вообще соваться к ним в кубрик! Они поили его спиртным, Эмерсон! Не спорь, я знаю. Даже несносный Рамсес не стал бы на трезвую голову так огрызаться на замечание капитана.

Эмерсон собрался было возразить, но, разделяя мою тревогу, не нашел что сказать.

— Тем более непонятно, — продолжала я, — почему команда не вытолкала Рамсеса в шею,

а, наоборот, поделилась с ним своим драгоценным грогом — так, кажется, зовется это мерзкое пойло. Какое удовольствие могли найти эти люди в обществе нашего чада?

— Один из них мне сказал, что им понравилась его болтовня. «Силен же этот щенок разглагольствовать!»

Эмерсон не удержался от улыбки. Губы — одно из главных его достоинств, после живости ума, конечно: такие точеные и такие подвижные! Еще я бы назвала их нежными, но представляю, как бы он скорчился, услышь это...

— Неотесанный матрос попал в самую точку. — Мои губы невольно дрогнули в ответной улыбке.

— Рамсес — это отговорка! — отчеканил Эмерсон. — Выкладывай, что тебя беспокоит, Амелия.

Улыбка оказалась сплошным притворством. Если Эмерсон называет меня по имени, значит, шутить он не склонен. Обычно он зовет меня по фамилии — Пибоди. Я со вздохом подчинилась.

— Меня не оставляет странное предчувствие... Глаза Эмерсона сузились.

— Вот как, Амелия?

— Удивительно, что ты его не разделяешь.

— Действительно, не разделяю. У меня сейчас радостное настроение. Не собираюсь обращать внимание на какие-то...

— Ты высказался вполне доходчиво, Эмерсон. Не обижайся, но сегодня тебя так и тянет к высокопарным речам.

— Ты критикуешь мое ораторское искусство, Амелия?!

— Если ты будешь огрызаться на каждое мое слово, то я не смогу быть с тобой откровенна. И вообще, зачем портить тебе настроение? Ты уверен, что хочешь услышать о моих тревогах?

Склонив голову набок, Эмерсон несколько секунд обдумывал мой вопрос, потом ответил:

— Нет.

— Как это понимать?

— А так, что я ничего не желаю слышать. Оставайся наедине со своими дурацкими предчувствиями.

— Но ты сам спрашивал...

— Уже передумал!

— Ага, значит, ты тоже чувствуешь нависшую над нами...

— Ничего такого я до этой секунды не чувствовал! — взорвался Эмерсон. — Проклятье, Амелия...

— Как странно! А кто говорил о гармонии, о жизни душа в душу?

Посторонний наблюдатель заключил бы по выражению лица Эмерсона, что от былой гармонии не осталось следа: нахмуренные брови и негодующий взгляд предвещали шторм. Мне очень

хотелось доплыть до берега, но я все-таки решила продолжить занимательную беседу.

— Разумеется, я тоже жду не дождусь начала раскопок. Ты знаешь, как я люблю пирамиды, особенно загадочные пирамиды Дахшура. Мне не терпится добраться до погребальной камеры Черной пирамиды и как следует ее изучить. В прошлый раз нам не дали там толком поработать. Лично я неважно соображаю, когда меня сталкивают в адский мрак затопленного подземелья и оставляют там околевать...

Эмерсон отпустил наконец мои плечи и снова уставился в морскую даль.

— С Черной пирамидой придется погодить, — буркнул он. — Пусть уровень воды опустится до нижней отметки. Если погребальная камера все равно останется затопленной, можно будет установить насос...

— Я тоже об этом думала, дорогой мой Эмерсон. Однако сейчас речь о другом.

— Почему же? Гидронасос со шлангом...

— Уж не забыл ли ты, при каких обстоятельствах мы впервые увидели внутренности Черной пирамиды?

— Я еще не так стар, чтобы страдать провалами памяти, — ответил он язвительно. — И не забыл, что ты ответила, когда я сказал, что не прочь умереть у тебя в объятиях. Честно говоря, я ожидал чуть больше признательности.

— Ты меня неправильно понял. Я тогда сказала, что была бы счастлива принять такую судьбу, но умирать не собираюсь. Поскольку ни на мгновение не сомневалась, что ты найдешь выход. Так и случилось.

Я подвинулась к нему и оперлась о его плечо.

— Да, нам удалось выбраться, — вздохнул он. — Правда, если бы не Рамсес...

— Не отвлекайся, Эмерсон! Ты отлично знаешь, что не дает мне покоя. Уверена, тебя преследуют те же опасения. Никогда не забуду нашу последнюю встречу с негодяем, который чуть нас не погубил. До сих пор вижу его издевательскую улыбку и слышу презрительные слова: «Итак, прощайте, дорогие мои! Надеюсь, мы больше никогда не встретимся».

Эмерсон вцепился в перила с такой силой, что сухожилия рук напряглись, как корабельные канаты. Не дождавшись ответа, я продолжила:

— Помню и клятву, которую я тогда дала себе: «Ну уж нет! Мы непременно встретимся! Я не успокоюсь, пока не выслежу тебя и не положу конец твоим гнусным козням».

Эмерсон перестал пробовать перила на прочность и заметил ворчливо:

— Возможно, в тот момент ты и впрямь была настроена воинственно, но потом усиленно это скрывала, пока в июле прошлого года у тебя не взял интервью этот рыжий молокосос из «Дейли Йелл».

Ты сознательно меня обманула, Амелия: ты скрыла, что пригласила проныру О'Коннелла в мой дом! Ты тайком его привела и тайком вывела наружу, да еще подговорила слуг помалкивать.

— Я всего лишь щадила твои нервы, дорогой. Ты ведь не выносишь беднягу О'Коннелла. Помнишь, как однажды спустил его с лестницы?

— Ничего подобного я не делал! — с жаром возразил Эмерсон. Иногда память его все-таки подводит. — Хотя мог бы, если б застал его в моем кабинете. Нечего приставать к моей жене и строить лживые статейки обо мне! Надо же все так перевернуть! Да я чуть со стыда не сгорел, когда прочел эти рассказы в газете.

— Извини, Эмерсон, но я не могу с тобой согласиться. О'Коннелл вовсе не придумал ту красочную историю о нашем спасении. И один из нас все же пригрозил вывести Геня Преступлений на чистую воду. Возможно, то был ты, а не я. Разумеется, я скрыла от репортера все подвиги нашего чада, иначе Рамсес возомнил бы о себе невесть что. Но во всем остальном я ничуть не погрешила против истины. Лично у меня не было причин краснеть. Я всегда помню, что мой супружеский долг — пропеть хвалебную песнь храбреццу, спасшему беспомощную жену от верной гибели.

— М-м... — промычал Эмерсон польщенно. — Все так, Пибоди, однако...